

ныхъ обществахъ, незамѣтно разроставшихся въ государствѣ и угрожавшихъ его спокойствію.

Государь молча выслушалъ этотъ тревожный докладъ и глубоко задумался. Потомъ печально сказалъ по-французски:

— *Mon cher Vasiliczukow! Vous savez que j'ai partagé et encouragé ses illusions et ses erreurs.*—(Дорогой Васильчиковъ, вы, который находитесь на моей службѣ съ начала моего царствованія, вы знаете, что я раздѣлялъ и поощрялъ эти иллюзіи и заблужденія). Потомъ послѣ нѣкотораго молчанія прибавилъ: *Se n'est pas à moi à sevir.* „Не мнѣ подобаеъ карать“.

И онъ не приказалъ и не принялъ какихъ-нибудь мѣръ противъ того, чему самъ поклонялся и раздѣлялъ такіе же взгляды по своему вступленію на престолъ. Взгляды, осуществленія которыхъ когда-то самъ желалъ.

Въ это же время Государю представлена была извѣстная записка начальника штаба гвардейскаго корпуса, генераль-адъютанта графа Александра Христофоровича Бенкендорфа, въ которой съ необыкновенной вѣрностью и точностью описаны были всѣ тайныя общества въ Россіи и даже поименованы главнѣйшія лица, въ нихъ участвовавшія, и ихъ характеристика. Впослѣдствіи, уже по вступленію на престолъ Императора Николая I, эта записка, оставшаяся нетронутой и найденная въ столѣ, между бумагахъ покойнаго Государя Александра I, въ кабинетѣ его въ Царскомъ Селѣ, послужила къ раскрытію заговора и ареста лицъ, въ немъ участвовавшихъ, а также и къ открытію организованныхъ ими тайныхъ обществъ. Благодаря этой запискѣ Бенкендорфъ поставленъ былъ во главѣ III-го отдѣленія Собственной Его Величества канцеляріи и назначенъ шефомъ жандармовъ.

Записка эта начиналась такъ:

„Въ 1814 году, когда русскія войска вступили въ Парижъ, множество офицеровъ принято было въ масоны и свели связи съ приверженцами разныхъ тайныхъ обществъ. Послѣдствіемъ сего было, что они напитались гибельнымъ духомъ партій, привыкли болтать то, чего не понимаютъ, и, изъ слѣпото подражанія, получили не наклонность, но лучше сказать, страсть заводить подобныя общества у себя. Нѣкоторые изъ оныхъ не имѣли въ виду никакой опредѣленной цѣли, другіе, напротивъ того, мечтали лишь о политикѣ и о томъ, какъ возымѣть вліяніе на правительство. Явная цѣль сихъ мнимыхъ свободномыслящихъ, точнѣе, своевольномыслящихъ, было введеніе конституціи или собственно такого образа правленія, подъ которымъ своеволие ничѣмъ не было бы удерживаемо, а пылкимъ страстямъ, неограниченному честолюбію, желанію блистать предоставлена была бы полная воля...“ и т. д.

Государь не могъ согласиться съ изложенными взглядами, и хотя реакціонное направленіе правительства онъ находилъ необходимымъ, но оно не по душѣ ему было, и записка Бенкендорфа осталась на столѣ его безъ движенія.

Отвлеченный необыкновенными внѣшними событіями, во всей Европѣ совершавшимися, въ которыя силою необходимости вовлечена была и Россія, вынужденная играть въ нихъ главенствующую роль, Императоръ какъ бы откладывалъ годъ за годомъ заботы о внутреннемъ устроеніи государства, полагаясь на близкихъ и преданныхъ ему лицъ. Но къ несчастію лица эти совсѣмъ не понимали ни идей, ни плановъ и желаній, какіе царилъ въ намѣреніяхъ великаго Государя. Они преслѣдовали узкія, меркантильныя цѣли, стояли на сторонѣ грубой и безпощадной реакціи, не вникая въ нарождавшіяся стремленія лучшихъ людей своего времени и вели государственную жизнь къ полному разложенію и косности, вызывая насильственное -сопротивленіе. Такіе дѣятели, какъ Магницкій, Аракчеевъ или Шишковъ, пользуясь полнымъ довѣріемъ Государя, въ невѣдѣніи и невѣжествѣ своемъ еще способствовали увеличенію смуты и разлада правительства съ обществомъ. Народъ былъ ни при чемъ, народъ стоялъ въ сторонѣ въ темной, безпросвѣтной мглѣ невѣжества и порабощенія.

Шильдеръ говоритъ: (Алекс. I т. IV гл. VII стр. 216):

„Случалось, что иной разъ Императоръ Александръ еще высказывалъ убѣжденіе, что слѣдуетъ подумать о внутреннемъ управленіи Россіи, что необходимо принять мѣры, для уврачеванія зла...“ и пр.

И эта забота о горячо любимомъ имъ народѣ и о государственномъ благѣ не давала ему покоя и толкала въ отчаяніе.

Осматривая въ 1824 году, въ Пензѣ, 2-й пѣхотный корпусъ, Государь, хотя и остался особенно доволенъ маневрами, но былъ печаленъ и имѣлъ очень усталый и грустный видъ. Губернаторъ О. П. Лубяновскій <sup>1)</sup>, пораженный видомъ Государя, не въ силахъ былъ удержаться и высказалъ это.

— Имперія сѣтуетъ о Вашемъ Величествѣ и скорбитъ, что не изволите беречь себя!..

— Хочешь сказать, что я усталъ? возразилъ Государь... Славы для Россіи довольно, больше не нужно; ошибется, кто больше пожелаетъ. Но когда подумаю, какъ мало еще сдѣлано внутри государства, то эта мысль ложится мнѣ на сердце, какъ десятипудовая

<sup>1)</sup> Лубяновскій Федоръ Петровичъ, потомъ сенаторъ и дѣйств. тайный совѣтникъ, род. 9 авг. 1777 г., умеръ 3 февр. 1869 г.



въ жизни человѣка, отрицая все остальное. Онъ глубоко скорбѣлъ объ упадкѣ религіозности въ Россіи и объ обширномъ распространеніи анти-православныхъ обществъ, какъ Библейскаго, и сильномъ развитіи масонства и учрежденіи масонскихъ ложъ, которымъ покровительствовали сами администраторы и лица высокопоставленныя.

Фотія обыкновенно порицають, величая и неучемъ, и бездарнымъ фанатикомъ, но при нѣсколько болѣе безпристрастномъ отношеніи къ нему увидимъ въ немъ поборника православія, обличителя и борца противъ разроставагося индифферентизма, невѣрія и масонства, подрывавшихъ основы русской государственности и православія.

Извѣстность о немъ, какъ проповѣдникъ и строгомъ ревнителѣ вѣры, распространилась быстро и дошла до царской фамиліи и самого Государя, который пожелалъ его видѣть.

Очень естественно, что такая восторженная и экзальтированная личность, какъ Фотій, произвела на Императора страшное впечатлѣніе и потрясла его болѣзненную и измученную душу.

Аудиенцію у Императора устроилъ министръ Александръ Николаевичъ Голицынъ и онъ же, а равно и митрополитъ Санктъ-Петербургскій Серафимъ, передъ поѣздкой Фотія во дворець, долго бесѣдовали съ нимъ и давали указанія, что говорить и какъ вести себя съ Государемъ.

Но Фотій, по собственному разсказу объ этомъ свиданіи съ Императоромъ Александромъ I, преслѣдовалъ свои, давно намѣченныя цѣли, имѣя въ виду достигнуть задуманнаго имъ ниспроверженія масонства въ Россіи.

Юня 5-го 1822 года, онъ въ экипажѣ Анны Алексѣевны Орловой-Чесменской прибылъ въ Зимній дворець, гдѣ его ожидалъ Государь. Разсказъ о свиданіи, хотя и краткій, чрезвычайно интересенъ и характеренъ, какъ для изображенія самого Фотія, такъ и того состоянія душевнаго, въ какомъ находился тогда Александръ I и какъ онъ былъ увлеченъ и потрясенъ бесѣдою съ архимандритомъ.

Умалчивая о многомъ, Фотій передаетъ только суть своей бесѣды: „Я говорилъ о Святой церкви, вѣрѣ, о спасеніи души, зря въ лицо Царю прямо“.... О тайныхъ обществахъ и масонахъ онъ прибавляетъ только кратко: „Противу тайныхъ враговъ, тайно и нечаянно дѣйствуя, вдругъ надобно открыто запретить и поступать!“ — Очевидно, что онъ много, горячо и убѣдительно говорилъ Государю объ этомъ предметѣ, но опасался передать болѣе подробно свои представленія въ разсказѣ. Это можно заключить и изъ того, что Государь такъ былъ удрученъ бесѣдою, что когда Фотій поднялся, чтобы уходить, „Царь палъ на колѣна и просилъ

возложить на главу его руки, простить и разрѣшить... И по семъ знаменовавъ главу Цареву и лице, руки мои отнялъ, Царь же поклонился мнѣ въ ноги, сталъ на колѣнахъ; всталъ отъ земли, принялъ благословеніе, цѣловалъ десницу мою, просилъ въ молитвѣ поминать, не забывать, благословеніе посылать и проводилъ самъ меня изъ дверей“. (См. въ жур. „Вѣс. Евр.“ 1878 г. № 11 и 12. статья Миропольскаго: „Фотій Спасскій, архимандритъ Юрьевскій“).

Результатъ свиданія Фотія съ Императоромъ Александромъ I не заставилъ себя ждать. Почти вслѣдъ за симъ, августа 1-го 1822 года, послѣдовалъ на имя министра внутреннихъ дѣлъ Виктора Павловича Кочубей Высочайшій рескриптъ, которымъ повелѣвалось запретить всѣ тайныя общества, подъ какими бы наименованіями они ни существовали, какъ-то масонскія ложи или другія закрыть и т. д.

Что Государь обѣщалъ Фотію уничтожить масонство—можно видѣть изъ того, что въ этотъ же день, 1-го августа, когда въ Петропавловскомъ соборѣ совершалось торжественное богослуженіе, и митрополитъ Серафимъ возлагалъ на Фотія даръ Императора,—наперсный алмазный крестъ, Государь прислалъ нарочнаго поздравить Фотія и передать ему: *„что указъ о запрещеніи масонскихъ ложъ и тайныхъ обществъ нынѣ же имъ изданъ“*.

„Фотій радовался вельми, не о наградѣ—крестомъ себя, но о томъ, что сіи всѣ вредныя заведенія, опасныя для церкви и государства, послѣ запрещенія вскорѣ ослабѣютъ въ своихъ дѣйствіяхъ и замыслахъ и путь ихъ съ шумомъ погибнетъ, яко нечестивыхъ (ibid., 44)“.

Удивляются, что повелѣніе Государя не имѣло видимаго результата (Шильдеръ, т. IV), что они продолжали существовать и разразились грозой 14 декабря 1825 года. Но вѣдь это и указываетъ, что Фотій представлялъ вредъ ихъ Александру I только со стороны религіозной, не касаясь политики и заговоровъ, грозящихъ спокойствію Имперіи. Поэтому-то повелѣніе Государя не сопровождается никакими репрессаліями, никакими карами и отвѣтственностью за участіе въ такихъ обществахъ и ограничивалось оно только воспрещеніемъ ихъ существованія и обязательствомъ лицъ, къ такимъ обществамъ принадлежащихъ, оставить ихъ, отречься отъ участія въ нихъ и обѣщать впредь въ таковыя не вступать и не участвовать.

Закрытіе совершилось и огорчило многихъ, видѣвшихъ въ нихъ невинное препровожденіе времени, нѣчто вродѣ клубовъ. Въ рукописныхъ запискахъ Михайловскаго-Данилевскаго, выдержки изъ которыхъ приводитъ Шильдеръ въ исторіи Императора Александра I



*Подписка № 1.* Я нижеподписавшійся объявляю, что я принадлежалъ къ ложѣ братьевъ масоновъ, именуемой NN, состоящей въ N (имя города) или такому-то другому тайному обществу и что на основаніи послѣдовавшаго нынѣ Высочайшаго повелѣнія, обязываюсь я отнынѣ впредь ни сей ложѣ, ни къ какимъ другимъ ложа́мъ или тайнымъ обществамъ, какъ въ имперіи, такъ и внѣ ея находится могущимъ не принадлежать и никакихъ сношеній съ ними не имѣть.

*Подписка № 2.* Мы нижеподписавшіеся объявляемъ, что мы не принадлежимъ ни къ какимъ ложа́мъ масонскимъ или инымъ тайнымъ обществамъ, внутри имперіи или внѣ ея существовать могущимъ и что мы и впредь принадлежать къ онымъ не будемъ.

*Подписка № 3.* Я нижеподписавшійся симъ объявляю, что я ни къ какой масонской ложѣ и ни къ какому тайному обществу ни внутри имперіи, ни внѣ оной не принадлежу. (Общ. Арх. М-ва Двора, оп. 145, дѣло 180).

Получивши 6 августа это сообщеніе, гофъ-маршалъ Альбедиль торопился его исполнить и уже 8 августа писалъ въ подвѣдомственные ему учрежденія за № 213 объ отобраніи подписокъ и доставленіи къ нему списковъ чиновниковъ. (Общ. Арх. М-ва Двора, оп. 74, карт. 4121, дѣло 94).

Между прочимъ и гофъ-интендантская контора, получивъ предложеніе своего начальника, повѣстками отъ 24 августа пригласила всѣхъ своихъ служащихъ въ контору, для отобраніи отъ нихъ требуемыхъ Высочайшимъ рескриптомъ обязательствъ.

„Ниже писаннымъ Г.г. Смотрителямъ, Комисарамъ, Архитекторамъ и прочимъ чиновникамъ, а также Гофъ-Фурьерамъ и Садовымъ мастерамъ, симъ повѣщается быть непременно завтрашняго числа въ Контору и о бытіи на семъ росписаться (ibid., стр. 6-я)“.

На слѣдующій день всѣ служащіе въ числѣ 75 человекъ явились и подписались подъ роспискою по формѣ № 1. Управляющій конторою баронъ Альбедиль прислалъ отъ себя такую же подписку на особомъ листѣ. На общей же росписались два члена конторы: дѣйствительный статскій совѣтникъ и кавалеръ Клементій Расихинъ и полковникъ и кавалеръ Эйхенъ.

Затѣмъ дали подписки три совѣтника, въ числѣ ихъ сынъ извѣстнаго партизана 1812 г. Александра Сеславина, умершаго въ 1858 г. Ѳедоръ Сеславинъ, два секретаря и разные чины въ числѣ шестидесяти одного. Медикъ-хирургъ Богданъ Ганъ и три архитектора, въ числѣ ихъ Луизъ Шарлеманъ, и наконецъ пять придворнослужащихъ.

Изъ всѣхъ служащихъ въ гофъ-интендантской конторѣ только

одно лицо оказалось причастнымъ масонству и то давно уже оставившимъ его. Титулярный совѣтникъ Иванъ Любимовъ сынъ Коліандеръ написалъ: „Я ниже подписавшійся объявляю, что я принадлежалъ къ ложѣ братьевъ Масоновъ именуемой Елизаветы и Добродѣтели, состоящей въ Санктъ-Петербургѣ и назадъ тому десять лѣтъ отъ участія отказался“... и т. д. (ibid., стр. 10).

Подлинныя подписки эти оставлены при дѣлахъ гофъ-интендантской конторы, а составленные по нимъ списки, 12 октября 1822 г. за № 4758, представлены барону Альбедилю (ibid., стр. 17).

Какъ видно было выше, министръ внутреннихъ дѣлъ долженъ былъ представить Его Величеству, при докладѣ объ исполненіи воли Его, списки чиновъ и служащихъ по отношеніямъ ихъ къ масонскимъ обществамъ и другимъ тайнымъ обществамъ. Очевидно, что Государь интересовался докладомъ и внимательно отнесся къ нему; тщательно разсмотрѣвъ представленныя ему подписки, онъ остался недоволенъ формою за № 3 и приказалъ измѣнить ее, дополнивъ, для вновь поступающихъ на службу чиновъ обязательствомъ: „и впредь не принадлежать ни къ какимъ ложамъ и тайнымъ обществамъ“.

По этому поводу, уже годъ спустя, министръ баронъ Кампенгаузенъ 14 августа 1823 года за № 577 писалъ гофъ-маршалу Альбедилю:

„Милостивый Государь мой  
Баронъ Петръ Романовичъ!

Государь Императоръ, найдя, что подписки, отбираемыя отъ чиновниковъ, въ службу вступающихъ о неучаствованіи въ масонскихъ ложахъ и тайныхъ обществахъ, не согласны съ силою Высочайшаго о предметѣ семъ повелѣнія, указать соизволилъ, чтобы въ формѣ подписокъ, подъ № 3-мъ опредѣленной, брать отъ чиновниковъ вступающихъ въ службу, включено было равномернo обязательство и впредь не принадлежать ни къ какимъ ложамъ и тайнымъ обществамъ, какъ то именно повелѣно въ 5-мъ пунктѣ Высочайшаго о предметѣ семъ Рескрипта, въ 1-й день августа прошлаго года на имя графа Кочубея послѣдовавшаго.

„Сообщая о сей Его Императорскаго Величества волѣ Вашему Превосходительству, къ должному со стороны Вашей исполненію, я считаю долгомъ препроводить у сего новую форму подписокъ, кои слѣдуетъ брать отъ вступающихъ въ службу чиновниковъ. Съ совершеннымъ почтеніемъ имѣю быть Вашего Превосходительства покорнѣйшій слуга Баронъ Кампенгаузенъ“. (Общ. Арх. М-ва Двора, оп. 145/569 дѣло 180).

Молодой Государь такъ потрясенъ былъ смутой, омрачившей первые дни его царствованія, что рѣшился на крайнія и небывалыя мѣры во все продолжительное время управленія государствомъ, брата его Александра I-го. Пять человѣкъ казнены позорной смертью, черезъ повѣшеніе, а болѣе ста человѣкъ поплатились каторгой и ссылкой (привлечено было слѣдственной комиссіей 121 человѣкъ). Все дѣло велъ Высочайше учрежденный комитетъ, для изысканія злоумышленныхъ обществъ, а судъ и приговоры къ наказаніямъ вынесъ верховный судъ.

Помимо дѣйствій этого комитета, къ занятіямъ котораго Государь относился очень ревниво, и кромѣ всѣхъ жестокихъ мѣръ, принятыхъ правительствомъ противу мятежныхъ лицъ, Николай I-й нашелъ необходимымъ повторить еще разъ обязательства подпиской всѣхъ служащихъ чиновъ въ Имперіи, отречься отъ тайныхъ обществъ, отречься отъ сношенія съ ними и удостовѣрить правительство въ своей благонадежности.

Министромъ внутреннихъ дѣлъ былъ въ это время членъ государственнаго совѣта престарѣлый Василій Сергѣевичъ Ланской <sup>1)</sup>. Апрѣля 21-го 1826 года и воспоследовалъ на имя его Высочайшій рескриптъ слѣдующаго содержанія:

„Василій Сергѣевичъ! Изъ дѣлъ комитета, учрежденнаго для изысканія о злоумышленномъ обществѣ, усматривается между прочимъ, что небольшое число злоумышленниковъ противъ спокойствія государства, составивъ тайныя подъ разными наименованіями общества, старались привлечь въ оныя людей благомыслящихъ, обольщая ихъ ложными видами благонамѣренности своихъ обществъ, имѣвшихъ будто-бы единственною цѣлю распространеніе просвѣщенія, правилъ нравственности, человеколюбія и проч., дабы впоследствии уже, удостовѣрившись въ образѣ мыслей сихъ новыхъ членовъ, открыть истинное намѣреніе свое тѣмъ изъ нихъ, коихъ злоумышленники сочтутъ способными принять участіе въ пагубномъ ихъ предпріятіи. Хотя изысканіе комитета обнаруживаетъ, что изъ сихъ завлеченныхъ врагами общаго спокойствія людей многіе, при самомъ принятіи ихъ въ общества, оставили оныя, а другіе остались еще чле-

<sup>1)</sup> На мѣсто Кочубея, удалившагося въ отпускъ, назначенъ былъ 28 іюня 1823 года, другъ Аракчеева, государственный контролеръ Бальтазаръ Бальтазаровичъ Кампенгаузенъ. Онъ былъ очень любимъ Государемъ, но спустя два мѣсяца сильно расшибся отъ опрокинувшейся кареты: слабый, худощавый, онъ вскорѣ и скончался отъ ушибовъ. На мѣсто его и назначенъ 29 августа дѣйствительный тайный совѣтникъ, членъ государственнаго совѣта Ланской, род. 1762 г., ум. 1831 г.



нами, не постигая тайныхъ цѣлей обществъ, но когда вслѣдствіе состоявшагося 21 августа 1822 года Высочайшаго рескрипта на имя управлявшаго министерствомъ внутреннихъ дѣлъ графа Кочубея, о закрытіи всѣхъ тайныхъ обществъ въ государствѣ, требуемы были обязательства отъ воинскихъ и гражданскихъ чиновъ, что они ни къ какимъ тайнымъ обществамъ болѣе принадлежать не будутъ, съ измѣненіемъ въ тѣхъ обязательствахъ, къ какой именно масонской ложѣ или къ какому другому тайному обществу кто изъ нихъ принадлежалъ; тогда ни одинъ изъ членовъ, состоявшихъ прежде въ вышеписанныхъ обстоятельствахъ, не объявилъ о томъ, въ выданномъ отъ него обязательствѣ и многіе вѣроятно тогда заключали, что они уже отстали отъ обществъ или принадлежали онымъ безъ особенныхъ клятвъ, по одному обѣщанію.

Такое неисполненіе Высочайшей блаженной памяти Государя Императора воли, имѣя видъ умышеннаго сокрытія обществъ, должно бы подвергнута строгому взысканію, но желая употребить мѣры строгости, въ самыхъ только необходимыхъ случаяхъ, и уменьшить число преступниковъ, сколько священная обязанность попеченія объ общемъ благѣ сіе позволить, я повелѣваю вамъ истребовать по всему государству вновь обязательства отъ всѣхъ, находящихся въ службѣ и отставныхъ чиновниковъ и не служащихъ дворянъ, въ томъ, что они ни къ какимъ тайнымъ обществамъ, подъ какимъ бы они названіемъ ни существовали, впредь принадлежать не будутъ, и если кто прежде къ какому-либо изъ нихъ когда бы то ни было принадлежалъ, то съ подробнымъ объясненіемъ въ обязательствахъ его подъ какимъ названіемъ оно существовало, какая была цѣль его, и какія мѣры предполагаемо было употреблять, для достиженія той цѣли.

„При требованіи сихъ обязательствъ, объявить всѣмъ, что не только члены тайныхъ обществъ, принятые въ оныя въ учрежденныхъ ложахъ, думахъ, управахъ и проч. по обязательствамъ черезъ клятву или честное слово и посѣщавшіе общества или знавшіе объ нихъ, но и всѣ безъ изъятія, тѣ, кои сдѣлались соучастниками оныхъ тайныхъ обществъ; безъ всякихъ формъ, клятвъ и обязательствъ, чрезъ разговоры при встрѣчѣ внѣ ложъ, думъ, управъ или знали о сихъ обществахъ, объяснить о томъ при дачѣ подписокъ чистосердечно, со всею откровенностію, и что сокрытіе того, послѣ сего оказаннаго мною снисхожденія подвергнетъ ихъ строжайшему наказанію, какъ государственныхъ преступниковъ“.

„О исполненіи сей воли моей вы не оставите сдѣлать надлежащихъ распоряженій. На подлинномъ написано собственной Его



Императорскаго Величества рукою Николай. С.-Петербургъ 1826 г. Апрѣля 21 дня (Общ. Арх. М-ва Двора оп. 74/81 д. 114).

Переписка и процедура отобранія обязательствъ прошла по всей Имперіи съ формальностями по образцу, который изложенъ былъ выше, при исполненіи Высочайшаго рескрипта отъ 1 августа 1822 г. съ тою только разницею, что теперь обязательства не оставлялись при дѣлахъ учрежденія, а въ подлинникахъ доставлялись министру Ланскому, для доклада Государю.

Въ виду туманности общаемаго милосердія и вмѣстѣ съ тѣмъ угрозы въ страшной уголовной отвѣтственности за умолчаніе не только о причастности къ какому нибудь-обществу, но даже въ знаніи о нихъ изъ частныхъ разговоровъ, отвѣтственности, какъ за государственное преступленіе заставило многихъ и многихъ содрогнуться и волей неволей раскрыть свои тайники и указать на связи съ масонствомъ.

Въ остальномъ, точно такъ же министръ внутреннихъ дѣлъ С. Ланской писалъ 25 апрѣля 1826 года за № 866-мъ гофмаршалу Альбедилю (и конечно по тому же самому шаблону и всѣмъ другимъ главноначальствующимъ, какъ видно изъ цитируемаго дѣла Общ. Арх. Мин. Двора по оп. 74/81 д. № 114).

Управляющему Гофъ-Интендантской Конторой, о приведеніи въ исполненіе Высочайшаго рескрипта. Точно такъ же отъ барона Альбедиля получено предложеніе объ отобраніи обязательствъ и также 10 мая 1826 г. служащіе чиновники Конторы собрались и дали подписку:

„Выслушавъ Имянной Высочайшій рескриптъ, послѣдовавшій на имя Г. Управляющаго Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ 21 апрѣля сего года, по долгу чести и присяги дали слѣдующую подписку:

„Обязываюсь въ томъ, что ни къ какимъ тайнымъ обществамъ подъ какимъ бы названіемъ они ни существовали, впредь принадлежать не буду и прежде сего не принадлежалъ, въ противномъ случаѣ за несправедливое показаніе и обязательство подвергаюсь отвѣтственности по законамъ (ibid., стр. 8-я)“.

Обязательство это подписали членъ присутствія конторы дѣйств. статскій совѣтникъ князь Сергѣй Голицынъ, три совѣтника, два бухгалтера, два секретаря, пятьдесятъ одинъ чиновникъ, главный архитекторъ Людвикъ Шарлеманъ и два архитектора: Плазовъ и Висконти. Но три лица оказались причастными обществамъ; одинъ изъ нихъ, поименованный въ 1822 году, казначей титулярный совѣтникъ и кавалеръ Иванъ Любимовичъ Коліандеръ, изложившій теперь свое обязательство такъ:

„Обязуюсь въ томъ, что ни къ какимъ тайнымъ обществамъ,

подъ какимъ бы названіемъ они ни существовали, впредь принадлежать не буду. Въ 1811-мъ же году былъ я приглашенъ въ общество масонской ложи подъ названіемъ „*Елизаветы и Добродѣтели*“, въ коей состоялъ до 1814 года, и въ семь году добровольно вовсе оставилъ оную ложу и болѣе ни въ какихъ обществахъ никогда не участвовалъ. Касательно же до цѣли масоновъ сей ложи, то признаюсь чистосердечно, что совершенныхъ понятій о томъ не имѣю, а полагаю по Аллегорическимъ Гирофлигамъ (гіероглифамъ) и символамъ, изображающимъ систему, нравственность должна быть цѣлію Добродѣтели, мѣра же, посредствомъ коей достигали оной, были деньги, которыя въ каждое собраніе собирались, въ нарочито сдѣланную кружку и всякой членъ жертвовалъ по состоянію, сіи же деньги были раздаваемы по строгому разсмотрѣнію всѣхъ членовъ бѣднымъ. Впрочемъ не участвовалъ въ высшихъ степеняхъ, я болѣе ничего не знаю. Въ удостовѣреніе чего за несправедливое показаніе и обязательство подвергаюсь отвѣтственности по законамъ“.

Потомъ присутствующій въ конторѣ баронъ Федоръ Ренне уклончиво писалъ.

...„Въ 1817 году же былъ я принятъ въ общество масонской ложи, каковое названіе оная ложа имѣла, въ которую принятъ былъ не помню. Цѣль моя была образованіе и улучшаніе сердца и души, что и дѣйствительно нашель, потому что при каждомъ собраніи шла рѣчь о чистой моравіи, (морали) одобренія сердца и челоуѣколюбіе и добротъ для бѣдныхъ, въ прочемъ я уже прежде сего отказался отъ вышесказаннаго общества въ предъ принадлежать, въ чемъ обязываюсь и подвергаюсь строгому взысканію“.

И наконецъ „медико-хирургъ“ докторъ Богданъ Ганъ, не указавшій въ подпискѣ 1822 года своего участія въ масонствѣ, теперь сообщилъ что:

„Въ 1819 году былъ я принятъ въ Кронштатѣ въ масонской ложе, какъ ее называли не упомяну, всякой въ городѣ зналъ дни собраній и большую часть общества, цѣль моя была образованіе и улучшаніе сердца и души—и дѣйствительно я не ошибся, потому что при кажди собраніи шла рѣчь о чистой морали, одобреніе сердца, о челоуѣколюбіи и о щедрости для бѣдныхъ. Въ 1820 году, я изъ Кронштата сюда въ С.-П.-бургъ переѣхалъ жить и съ того времени я не былъ въ ложѣ и не имѣлъ ни какою переписку съ масонами, что касалось до масонства, а про другихъ тайныхъ обществахъ я никогда ни чего не видалъ и не слыхалъ (ibid. стр. 13 и 14)“.



Конечно, никто поднять на себя руку не хотѣлъ, а поэтому несмотря на боязнь, внушаемую страшнымъ рескриптомъ, чиновниковъ, причастныхъ къ тайнымъ обществамъ, оказалось не много, но все-таки нашлись такіе, какъ медико-хирургъ Ганъ, умолчавшіе въ 1822 году и теперь признававшіе свое участіе въ масонствѣ. И благодаря такимъ своимъ требованіямъ правительство получило отъ подчиненныхъ ему лицъ клятвенное обѣщаніе ни въ какихъ тайныхъ обществахъ не участвовать и сношеній съ ними не имѣть.

А-ндрѣ Ал-чѣ Лебедевъ.

